

гласно ст. 15 Основ оно обязательно на всей территории Союза ССР, поэтому никто не может ставить его правильность под сомнение. Что касается материально-правового действия судебного решения, то здесь субъективные пределы существуют. Они распространяются на стороны, третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, на правопреемников, заявителей, недоимщиков и других лиц, в отношении которых состоялось решение.

Объективные пределы общеобязательности судебного решения определяются предметом решения — установленными судом правоотношениями сторон, а также юридическими фактами в делах особого производства. Такое мнение согласуется с нормой ч. 2 ст. 15 Основ.

Поскольку затронутые вопросы имеют большое практическое значение, представляется целесообразным сформулировать понятие законной силы судебного решения и ее правовых последствий в нормах процессуального права. Следовало бы также изменить наименование ст. 231 ГПК УССР «Условия вступления решения в законную силу» как не соответствующее ее содержанию. Поскольку в ней содержатся не только нормы об условиях вступления решения в законную силу, ее нужно привести в соответствие со ст. 39 Основ и озаглавить «Вступление решения в законную силу».

Список литературы: 1. *Авдюков М. Г.* Судебное решение. М., Госюриздат, 1959. 192 с. 2. *Полумордвинов Д. И.* Законная сила судебного решения. Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1964. 188 с. 3. Гражданский процесс. Под общ. ред. *К. С. Юдельсона*. М., Юрид. лит., 1972. 439 с. 4. *Зейдер Н. Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М., Юрид. лит., 1966. 192 с. 5. *Клейнман Н. А.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Изд-во МГУ, 1967. 119 с. 6. Советский гражданский процесс/Под ред. *М. А. Гурвича*. М., Юрид. лит., 1975. 399 с. 7. Советский гражданский процесс/Отв. ред. *К. И. Комиссаров, В. М. Семенов*. М., Юрид. лит., 1978. 431 с. 8. *Логинов П. В.* Решение государственного арбитража. М., Юрид. лит., 1964. 151 с. 9. *Чечот Д. М.* Некоторые вопросы вступления решения в законную силу. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. юрид. наук, 1958, вып. 10, с. 140—157. 10. *Гурвич М. А.* Судебное решение. Теоретические проблемы. М., Юрид. лит., 1976. 175 с. 11. СП Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 1. М., Известия Советов народных депутатов СССР, 1978, с. 49—56. 12. Бюл. Верховн. Суда СССР, 1978, № 2, с. 9—14.

И. Е. К р а с ь к о, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

К ИСТОРИИ НАУКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА В СССР

Концепция хозяйственного права как самостоятельной отрасли права в СССР впервые нашла отражение в монографии *А. Г. Гойхбарга* [4]. Отказавшись от традиционного в буржуазной юридической литературе деления права на частное и публичное, он пришел к выводу о том, что это различие постепенно исчезает и что результатом его является ненужность права гражданского, которое, как частное право, противоположное

публичному. перестает существовать в качестве самостоятельной отрасли и поглощается новой отраслью права — хозяйственным.

Будучи подобно ряду других юристов (С. Вольфсон, А. Малицкий) сторонником теории социальной функции, А. С. Гойхбарг перенес в советское право модную тогда на западе буржуазную теорию Дюги, отождествлявшую субъективные права с социальными функциями, с правами-обязанностями. Так, А. Г. Гойхбарг писал о собственности как о социальной функции, об эволюции буржуазного права. Вместе с тем сторонники социальной функции фактически скатывались на позиции правового нигилизма¹. «Судья, — подчеркивал А. Г. Гойхбарг, — и всякий применяющий право не связан у нас словом закона, он связан только общей целью закона, он обязан пресекать всякие злоупотребления правом, идущие вразрез с объективной целью закона» [4, с. 19]. Конструируя систему хозяйственного права, А. Г. Гойхбарг освещал в своей работе обычные институты гражданского права, называя их хозяйственно-правовыми. С. И. Раевич тогда же писал, что развитие пролетарского права ведет «к неправу и административно-техническому регулированию», что по мере продвижения к социализму правовое регулирование приобретает служебный по отношению к планам народного хозяйства характер [8, с. 27]. Право постепенно отмирает.

П. И. Стучка, исходя из концепции двухсекторного права, в начале 1929 г. выдвигает идею о гражданском и хозяйственно-административном праве. В основу этого деления он кладет реальное обособление в советской экономике обобщественного социалистического сектора от частного. Гражданское право, писал П. И. Стучка, имеет дело с регулированием имущественных отношений в частном секторе и так называемых межсекторных отношений, хозяйственно-административное право призвано регулировать хозяйственные отношения органов социалистического хозяйства (государственных и кооперативных организаций). Между гражданским и хозяйственно-административным правом идет непрерывная борьба, объединение их в единую систему невозможно, — оно и принципиально неприемлемо, так как основы, на которых покоится правовое регулирование в той и другой области, различны. В гражданском праве господствует анархия, выражающаяся в преобладании договорных отношений, в другом — плановость, подчинение, выполнение обязательных предписаний планово-регулирующих органов [10,

¹ Причину такого отношения к праву впоследствии раскрыл П. И. Стучка. «У нас было общепринято, — писал он, — право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, как бы в силу инерции задерживающий всякую революцию... Только работа В. И. Ленина «Государство и революция» открыла нам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период» [11, с. 31, 45].

с. 43]. Итáк, необходимы две системы хозяйственно-правового регулирования, два законодательных акта — Основы гражданского законодательства СССР и Хозяйственно-административный кодекс.

В конце 20-х годов в науке была предпринята попытка дифференциации хозяйственного права на отдельные функциональные разновидности¹. К ним относятся: гражданское право, торговое право и промышленное право. Гражданскому праву отводилась роль регулятора распределения хозяйственных благ и закрепления их в самостоятельное обладание между гражданами преимущественно в домашнем хозяйстве [7, с. 71]. Торговое право определялось как совокупность норм, регулирующих обращение, циркуляцию хозяйственных благ. Таким образом, в какой-то своей части торговое право смыкалось с правом гражданским, что позволяло отдельным авторам признавать его частью гражданского права, связанной со сделками по обороту. Наконец, промышленное право рассматривалось в виде системы норм, определяющих организацию и функцию промышленных предприятий. Иными словами, оно выступало как система организационных норм производства.

Следовательно, промышленное право выделялось из смежных отраслей — гражданского и торгового права. Движение имущества, находящегося в торговом обороте, т. е. в стадии перехода от производителя к потребителю, подлежало регулированию нормами торгового права, перемещение же его в сферу производства — нормами промышленного права. При этом подчеркивалось, что «вещь в обороте» требует смены юридических форм обладания ею, в то время как «вещь в производстве» не требует такой смены. В юридической литературе конца 20-х — середины 30-х годов теории промышленного права уделялось очень много внимания, именно оно считалось ведущей отраслью права, основным ядром социалистического права. Промышленное право связывалось, с одной стороны, с плановыми началами в социалистическом секторе народного хозяйства, с другой — наличием рыночных, товарно-денежных отношений. В общей системе народного хозяйства низовые производственные звенья рассматривались как технические исполнители заданий, исходящих от центральных плановых органов, хотя в пределах плана за ними признавалась определенная оперативная самостоятельность. Однако эта автономия фактически сводилась на нет предоставлением центральным государственным органам права непосредственного участия в разрешении вопросов, связанных с выполнением производственно-финансовых показателей подведомственными предприятиями.

Представители промышленного права (Б. С. Мартынов, В. Н. Манцев, С. И. Аскназий, Н. И. Наумов) признавали

¹ Хозяйственное право в этот период рассматривалось в качестве совокупности всех институтов имущественного оборота.

возможность сочетания в деятельности государственных предприятий плановых и рыночных начал с учетом того, что в социалистическом хозяйстве рынок в противоположность неорганизованному капиталистическому рынку превращен в объект государственного воздействия. Роль планирования как основного способа регулирования деятельности государственных промышленных предприятий ставилась в зависимость от методов планирования. При этом плановое начало воздействует на сферу хозяйственной деятельности двояко — непосредственно либо косвенно. В первом случае планирование принимает форму прямых плановых предписаний, безусловно обязательных для их адресатов, во втором задача планирования сводится к воздействию на отношения, непосредственно не связанные со сферой экономики, в области которой необходимо вызвать наступление желаемого результата. В процессе планового регулирования деятельности промышленных предприятий возникает два вида отношений: административные («вертикальные») и порождаемые ими гражданско-правовые отношения обязательственного характера («горизонтальные») [1, с. 22]. Однако договор, заключенный адресатами плановых заданий, не представлял собой, по мнению С. И. Аскназия, правового основания сложившихся между ними правоотношений. Взаимные притязания сторон возникают до заключения договора, вне его. Последний призван лишь уточнить, конкретизировать установленное сторонам задание. Поэтому, если плановым актом определены все элементы правоотношений, договор может и не заключаться. Даже в тех случаях, когда необходимость его заключения обуславливается неполнотой планового предписания, правовым основанием взаимоотношений сторон опять-таки является не договор, а это предписание [1, с. 22]. Наряду с этим многие представители науки хозяйственного права (Б. С. Мартынов, С. И. Аскназий и др.) подчеркивали правовой характер актов планирования, рассматривая их как систему распорядительных юридических актов, издаваемых органами планирования в пределах своей компетенции.

Несмотря на умаление роли договора как основания возникновения хозяйственного обязательства, представители хозяйственного права уделяли этому институту много внимания. Особенно детально разрабатывались теоретические основы генерального договора — нового тогда правового института, опосредствующего реализацию промышленной продукции на строго плановых началах. Эти договоры применялись главным образом в отношениях между объединениями государственной промышленности и кооперативными системами. В споре о том, является ли генеральный договор 20-х годов административным приказом, облеченным в договорную форму, либо обычным договором с ограниченной автономией сторон, представители промышленного права занимали в подавляющем большинстве

правильную «договорную» позицию, объективно рассматривали его как плановый договор, не представляющий собой, однако, товарную сделку¹. Этим было положено начало весьма плодотворным впоследствии исследованиям (40—50-х годов) теории планового договора в социалистическом народном хозяйстве.

Выделение промышленного права из права хозяйственного как системы организационных форм производства, тесно связанной с плановыми началами, было по существу стремлением воплотить в качестве отрасли права не реальную совокупность норм, predeterminedенных характером общественных отношений, регулированию которых эти нормы были призваны способствовать, а ветвь законодательства, регламентирующего централизованно обобществленный сектор народного хозяйства в условиях существования наряду с ним частнохозяйственного оборота. Эта концепция оказалась нежизненной, так как она не соответствовала объективной дифференциации общественных отношений, но усилия ее представителей не были напрасными. Постановка и разработка ими ряда важных организационно-правовых проблем оставила свой след в науке советского права, обратила внимание на серьезное изучение отношений, складывающихся в системе социалистического хозяйства, и на совершенствование их правового регулирования.

Сторонники хозяйственного (хозяйственно-административного) права 20—30-х годов допускали наряду с многими другими одну, по нашему мнению, самую существенную ошибку: строя различные системы, структуры, создавая теоретические начала хозяйственного права, они не задумывались о необходимости выявления его предмета, а если и предпринимали попытки его определения, то делали это без достаточной научной аргументации, допуская серьезные методологические и фактические просчеты.

Конечно, данное обстоятельство нельзя вменить в вину ученым-хозяйственникам 20—30-х годов прежде всего потому, что в период фактического становления социалистического хозяйства, борьбы с буржуазной идеологией в области права, подготовки новых кадров для органов юстиции разработка серьезных теоретических проблем заслонялась необходимостью первоочередного решения практических задач, создания учебных курсов права, комментариев, пособий, осмысливания основных его институтов и т. д. Однако отказ от определения предмета правового регулирования либо его поверхностное определение не могли не сказаться на построении системы права в целом. Механическое перенесение в область социалистического права отдельных принципов и институтов права буржуазного либо огульное их отрицание, стремление полностью обусловить право

¹ Вместе с тем отдельные авторы признавали генеральный договор плано-регулирующим актом, облеченным в договорную форму (С. И. Аскназий, П. И. Стучка).

политикой социалистического государства, более того, смешение права с политикой, непонимание обратного воздействия права на экономический базис — все это на долгие годы задержало развитие науки права, мешало совершенствованию законодательства, вело к отрыву науки от практики.

Серьезные ошибки в определении предмета права вообще и хозяйственного в частности допускал, например, П. И. Стучка. Ссылаясь на слова К. Маркса из предисловия к «Критике политической экономии» об отношениях собственности как выраженных на юридическом языке отношениях производства и обмена, П. И. Стучка определял право как систему общественных отношений, совпадающих с отношениями производства и обмена, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых его организационной силой [9, с. 27 и след.]. Здесь право смешивалось с предметом регулирования, растворялось в нем. Принимая за основу теорию интереса Иеринга, значение которого в развитии правовой науки П. И. Стучка преувеличивал, он в качестве основного признака права признавал классовый интерес, защищаемый государством. Л. Я. Гинцбург в качестве предмета хозяйственного права называл систему имущественных отношений социалистического общества, отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных условий своего существования, т. е. производственные отношения, взятые со стороны их юридического выражения, отношения собственности [2, с. 21]. Вместе с тем Л. Я. Гинцбург тут же относил к предмету хозяйственного права и отношения в области организации управления хозяйством, организации хозяйственных связей. Но это уже отношения не имущественные (производственные), а организационные (административные), имеющие иное содержание, складывающиеся в иных плоскостях, выражающиеся, как пишет Ю. М. Козлов, в «...установлении правил поведения, определяющих взаимоотношения между людьми... в распределении общих усилий коллективов» [5, с. 13]. Имущественные же отношения сами нуждаются в упорядочении, в регулировании путем воздействия на них извне. Имущественные и организационные (административные) отношения не могут смешиваться, выступать в качестве унитарного предмета какой-либо отрасли права.

С. Н. Ландкоф, отождествляя хозяйственное право с гражданским, предметом последнего считал общественные отношения, складывающиеся между гражданами, организациями и предприятиями в процессе производства и обмена. Отношения, возникающие в социалистическом секторе народного хозяйства на основе плановых средств, признавались им предметом хозяйственно-административного права [6, с. 12].

Концепция хозяйственно-административного права в таком изложении была бы допустимой, если бы автор дал четкое оп-

ределение предмета этой отрасли права. Однако характер отношений, которые признавались им ее предметом, не раскрылся. Они скорее всего напоминали предмет административного права, тем более, что С. Н. Ландкоф разницу между административным и хозяйственно-административным правом видел в том, что первое призвано опосредствовать организационную деятельность государства вообще, а второе — эту же деятельность в области социалистического хозяйства.

С. Н. Ландкоф фактически присоединился к авторам, называвшим ту часть хозяйственного права, которая регулировала деятельность социалистического сектора народного хозяйства, публично-хозяйственным, т. е. правом государственного хозяйствования, связанного с интересами социалистического строительства, основным признаком которого явилась организационная деятельность государства (Ю. Мазуренко, Г. Шретер и др.). При этом он резко критиковал представителей публично-хозяйственного права главным образом по формальным соображениям. Он полагал, что публично-правовые элементы свойственны и частному хозяйству, а при создании отрасли права нельзя исходить из признаков, присущих всем системам хозяйства. Заслугой С. Н. Ландкофа явилась последовательно проводимая им идея о недопустимости смешения советского хозяйственно-административного (хозяйственного) права с буржуазными концепциями хозяйственного права. Он подчеркивал, что в системе капиталистического хозяйства теория хозяйственного права превратилась в идеологию буржуазии, монополистического капитала, враждебную пролетарскому государству [6, с. 13].

Серьезной ошибкой представителей науки хозяйственного права 20—30-годов является «привязка» всей системы права к товарному производству. И дело не только в том, что при этом не учитывалась область товарного обращения — важная сфера проявления хозяйственно-организационной функции Советского государства, но и в том, что и товарное производство, и товарное обращение определяются особенностями экономического строя общества, который обуславливает также и право в качестве надстройки, что игнорировалось ими. К. Маркс подчеркивал, что право в обществе товаропроизводителей — это вырастающее из экономического строя отношение, складывающееся между свободными и автономными личностями, отличительными чертами которого служат абстрактность, равенство сторон, волевой характер¹. И, наконец, ошибкой являлось признание в государственном регулировании экономической технико-организационных моментов главенствующими над моментами правовыми. Законодательные и административные акты сохраняли для представителей хозяйственного права

¹ Говоря о равенстве сторон, К. Маркс имел в виду правовое регулирование товарных отношений в капиталистическом хозяйстве, связанное с формальной свободой товаропроизводителей на рынке.

«слабую примесь элементов юридических» (Е. Б. Пашуканис). Свертывание правовой формы соответствовало, по их мнению, исчезновению рыночных отношений [3, с. 102]. Следовательно, большинство ученых 20—30-х годов, разрабатывая узловые проблемы хозяйственного права, не связывали его с наличием конкретных общественных отношений в социалистическом секторе народного хозяйства, с изучением всей совокупности многообразных факторов, способствующих возникновению этих отношений. Они, как правило, ограничивались анализом признаков, не дающих ни порознь, ни в совокупности возможности признания этих отношений предметом самостоятельной отрасли права. Неудачный подход к выявлению сущности экономических отношений в народном хозяйстве породил значительные противоречия во взглядах на возможность выявления особой их разновидности, нуждающейся в особом правовом регулировании в тех случаях, когда необходимость в этом ими признавалась.

Правильное представление о природе и роли хозяйственного права является условием решения важных вопросов систематизации законодательства, разработки актуальных проблем теории права, организации социалистической экономики и управления народным хозяйством в СССР в свете решений XXV съезда КПСС.

Список литературы: 1. *Аскназий С. И.* Правовые формы планирования промышленности в СССР. — В кн.: Очерки по советскому промышленному праву. М., Гостехиздат, 1929, с. 20—54. 2. *Гинцбург Л. Я.* Курс советского хозяйственного права. Т. 1. М., 1935. 174 с. 3. *Гинцбург Л. Я.* Наука гражданского (хозяйственного) права в СССР в 1929—1931 гг. — Правоведение, 1976, № 6, с. 98—104. 4. *Гойхбарг А. Г.* Хозяйственное право РСФСР. 2-е изд. М., 1924. 221 с. 5. *Козлов Ю. М.* Управление народным хозяйством СССР. Ч. 1. Изд-во МГУ, 1969. 159 с. 6. *Ландкоф С. Н.* Хозяйственно-административное право. ДВОУ, 1931. 241 с. 7. *Мартынов Б. Г.* Советское промышленное право. — В кн.: Очерки по советскому промышленному праву. М., Гостехиздат, 1929, с. 3—28. 8. *Раевич С. И.* Основы хозяйственного права. Вып. 1., М. Госфиниздат, 1932. 153 с. 9. *Стучка П. И.* Революционная роль права и государства. М., 1921. 85 с. 10. *Стучка П. И.* Курс советского гражданского права. Т. III. М., 1931. 243 с. 11. *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, Латгосиздат, 1964. 528 с.

В. А. Ч у й к о в, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ

Высокие темпы развития производительных сил в процессе научно-технической революции обуславливают во все возрастающем масштабе использование природных ресурсов. Влияние хозяйственной деятельности человека испытывают все виды природной среды: атмосфера, почвы, вода, полезные ископае-